

Ястребов, В.
Малорусские прозвища
Херсонской губернии.

Одесса, 1893

НБ ОНУ імені І.І.Мечникова

НБ ОНУ імені І.І.Мечникова

МАЛОРУССКІЯ ПРОЗВИЩА

ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. ЯСТРЕБОВА.

ОДЕССА.

Типографія В. В. Кирхнера, Пушкинская ул., № 19.

1893.

5
9/10/14

Дозволено цензурою. Одесса, 1 Марта 1893 г.

Малорусскія прозвища Херсонской губерніи.

Этнографическій очеркъ.

Прозвища, которымъ мы посвящаемъ предлагаемую статью, не составляютъ исключительной особенности южной Россіи,—они распространены повсюду.

Вопросъ о народныхъ прозвищахъ имѣетъ свою литературу въ Германіи и у нѣкоторыхъ инославянскихъ народовъ. Въ южно-русской этнографіи онъ впервые затронутъ Н. О. Сумцовымъ, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи до 300 объяснительныхъ записей, сдѣланныхъ въ двухъ уѣздахъ Харьковской губ. *).

А. А. Скальковскій говоритъ, что однимъ изъ условій поступленія въ запорожское казачество была перемѣна имени и полученіе клички, и предполагаетъ, что это дѣлалось для того, чтобы Сѣчи удобнѣе было скрывать бѣглецовъ отъ розысковъ и преслѣдованія властей **); но нѣсколькими строками ниже почтенный историкъ, желая примирить свое мнѣніе съ объясненіемъ, которое дано этому обычаю извѣстнымъ запорожцемъ-повѣствователемъ Коржомъ, добавляетъ, что эти клички иногда перемѣнялись.

Объясненіе же Коржа слѣдующее: „Козаки Запорожскіе, а особливо Сѣчовики, по вольности запорожскаго духу и веселаго характера, имѣли по звичаю своему великую наклонность къ шуткѣ и насмѣшкамъ, такъ что съ самаго малѣйшаго случая или поступка или походки козака, вдругъ выводятъ великія нелѣпости и прикладываютъ прозвища одинъ другому, т. е. даютъ мудренныя названія и имена, случаямъ и поступкамъ соотвѣтствующія ***).

И такъ, запорожецъ Коржъ ни слова не говоритъ о томъ, что клички давались для сокрытія въ Запорожьи бѣглецовъ; да не

*) См. его статьи: „Малор. фамильныя прозвища“ въ Киевск. Стар. 1885, февраль, и „Уличныя клички“ въ Киевск. Стар. 1889 г., февраль. Последняя статья вошла въ изданный потомъ особо сборникъ „Культурныя переживанія“, въ ней указана и литература предмета.

**) Исторія Новой Сѣчи. Изд. 3, томъ I, стр. 262—263.

***). Устное повѣствованіе Л. Коржа. Одесса. 1842, стр. 34.

одни же бѣглецы и преступники поступали въ Сѣчь и не всѣхъ, поступавшихъ въ нее, настояла надобность скрывать отъ преслѣдованій. Въ такомъ случаѣ остается непонятнымъ, зачѣмъ давались также клички екатеринославскимъ вельможамъ, записывавшимся въ козаки, какъ мы и знаемъ, напримѣръ, о Потемкинѣ, который былъ названъ Грицкомъ Нечосою — прозвищемъ до того приставшимъ къ нему, что оно вошло даже въ пѣсни. Извѣстныя въ литературѣ запорожскія клички всегда отличаются естественностью и живописностью и тѣмъ рѣзко отличаются отъ искусственныхъ, напр. семинарскихъ прозвищъ, которыя дѣйствительно давались официально. Существованіе въ прежнее время обычая давать прозвища не въ одномъ только Запорожьѣ, но и въ Украинѣ, за свидѣтельствовано документально *), при чемъ, конечно, и помину нѣтъ объ официальном полученіи ихъ.

Съ другой стороны, и объясненіе Коржа, по нашему мнѣнію, не заключаетъ полной истины. Не всѣ запорожскія и иныя малороссійскія прозвища могутъ быть признаны плодомъ юмора; послѣдній совсѣмъ незамѣтенъ въ такихъ, напримѣръ, прозвищахъ, какъ Коваль, Черный, Бѣлый и т. п.; при этомъ а priori трудно допустить, чтобы цѣлый общественный союзъ, вроде Сѣчи Запорожской, или даже цѣлая національная группа, какъ малороссы, руководствовались одной только склонностью къ веселоправію при даваніи другъ другу именъ: тогда почему же подобныя прозвища даются у самыхъ различныхъ народовъ — и у веселыхъ, и у мрачныхъ?

Широко и правильно выясняетъ этотъ вопросъ Н. О. Сумцовъ: „Личныя и фамильныя прозвища, говоритъ онъ, возникаютъ въ народѣ въ силу настоящей необходимости отчетливаго и жизненнаго различія лицъ семействъ по характернымъ ихъ особенностямъ, необходимости, тѣсно связанной и непосредственно вытекающей изъ народнаго духовнаго творчества. Можно сказать, продолжаетъ г. Сумцовъ, что и въ созданіи фамильныхъ прозвищъ выступаетъ, въ видѣ частнаго проявленія, тотъ же творческій духъ народа, который въ болѣе ясныхъ и отчетливыхъ формахъ выразился въ пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ. Въ данномъ случаѣ принимаются во вниманіе самыя типичныя черты людей, ихъ физическаго и нравственнаго облика; для выраженія этихъ чертъ изъ лексическаго состава языка выбираются самыя характерныя и мѣткія слова и такимъ образомъ создается нѣчто столь выразительное въ видѣ личнаго или фамильнаго прозванія, что село принимаетъ его всецѣло, какъ памятникъ извѣстнаго проявленія текущей жизни **). Къ этой характеристикѣ нечего прибавить.

Въ какомъ отношеніи находятся прозвища къ именамъ?

*) Сумцовъ, Кіевск. Стар. 1885, февр., стр. 216—217.

**) Кіевск. Стар. 1885 г. февр., стр. 215 и 216.

Въ прежнее время прозвище сливалось съ именемъ, — послѣднее было столь выразительно и понятно, что отвѣчало вполне потребности въ живомъ обозначеніи личности. У насъ въ Россіи и съ принятіемъ христіанства долго не выводились изъ употребленія народныя имена; иногда они употреблялись совмѣстно съ иностранными, большею частію — греческими и предпочтительно передъ ними (Василій—Владиміръ); еще изъ XVI стол. извѣстно чисто народное имя Малюта, котораго, конечно, нѣтъ ни въ какихъ святцахъ. Эти изобразительныя народныя имена вполне отвѣчали конкретному складу ума нашихъ предковъ и въ народной средѣ выдержали конкуренцію съ привозными, которыя, по неудоудобности, оставались для народа іероглифами, и стали на ряду съ послѣдними, завоевавъ значеніе прозвищъ. Психологическая потребность въ такомъ живописномъ обозначеніи лица превышала даже практическую необходимость выдѣлить данное лицо изъ среды ему подобныхъ: на ряду съ христіанскими именами давались и даются прозвища и лицамъ, которыя отмѣчены уже въ средѣ общества своимъ социальнымъ положеніемъ.

Особенное значеніе личныхъ и фамильныхъ прозвищъ опредѣляется тѣмъ, что они представляютъ собою плодъ современнаго творчества народа. Прозвище переходитъ на дѣтей, рѣже на внуковъ, попадаетъ въ ревизскую сказку, письменно и официально закрѣпляется за семьей въ качествѣ фамиліи, но въ народной средѣ обыкновенно забывается и замѣняется новымъ, разъ для нея оно окончило свою службу и съ тѣмъ вмѣстѣ утратило свое первоначальное значеніе. Поэтому прозвища представляютъ исключительный интересъ для изученія современныхъ намъ понятій народа, тѣхъ глухихъ общественно-психологическихъ процессовъ, которые происходятъ въ данное время въ народной средѣ; въ нихъ яркими красками рисуется современная намъ деревня въ такихъ пестрыхъ, но характерныхъ мелочахъ своей обыденной жизни, которыхъ невозможно разсмотрѣть и разгадать ни въ поговоркѣ, ни въ пословицѣ, ни въ пѣснѣ. Но прозвища не стоятъ совершенно изолированно среди другихъ произведеній народнаго творчества, они оставляютъ слѣды и въ топографическихъ названіяхъ, которыя, будучи оторваны отъ своей реальной основы, такъ часто подають поводъ для безпочвенныхъ и произвольныхъ историко-географическихъ и историко-этнографическихъ построений, — они находятъ для себя отраженіе и въ пословицахъ, и въ пѣсняхъ. Такимъ образомъ, изучая прозвища въ связи съ объясненіями ихъ, мы имѣемъ то преимущество, что присутствуемъ при самомъ зарожденіи творческой мысли, наблюдаемъ, какъ она облекается въ художественный образъ, и какъ потомъ, окрыленная, вылетаетъ изъ своего кокона въ видѣ игривой пословицы, либо веселой пѣсенки. Наконецъ, прозвища представляютъ важный матеріалъ для изученія языка, давая, при своей краткости, рѣдкіе образцы его кристаллизаціи и мѣткости.

Мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи до 400 малорусскихъ прозвищъ съ объясненіями, записанныхъ частью непосредственно нами, частью нѣкоторыми нашими знакомыми, главнымъ образомъ, въ елисаветградскомъ, отчасти въ александрійскомъ и въ весьма маломъ количествѣ — въ другихъ уѣздахъ Херсонской губ. *). Намъ извѣстно, что прозвища въ употребленіи и у молдаванъ Херсонской губ., но молдаванскія клички мы вынуждены оставить въ сторонѣ по незнанію молдаванскаго языка; о прозвищахъ у великоруссовъ, болгаръ и другихъ народностей, обитающихъ у насъ, мы не имѣемъ свѣдѣній. Поэтому ограничиваемся господствующей, въ численномъ отношеніи, народностью въ губерніи — малороссійской, которая, однако, здѣсь имѣетъ свои особенности.

Въ личныхъ обращеніяхъ другъ къ другу крестьяне довольствуются обыкновенно именами съ соответственными малорусской фонетикѣ измѣненіями: Грицко, Олекса, Ярина, Мотря, Хивря и т. п.; обращаясь же къ лицамъ старшимъ, называютъ ихъ: дидъ, дядько, баба, титка.

Прозвища даютъ и въ дѣтствѣ, и въ юношескомъ возрастѣ, но чаще въ возрастѣ зрѣломъ лицамъ разныхъ національностей и общественныхъ положеній, лицамъ обоого пола, но значительно рѣже женщинамъ, потому, конечно, что онѣ менѣе мужчинъ бываютъ на виду: ихъ дѣятельность сосредоточивается въ кругу семьи и находится въ зависимости отъ нея, потому на женщину обыкновенно переходитъ прозвище мужа или отца съ дополнительными приставками и фонетическими измѣненіями, соответствующими полу и семейному положенію, напр. мужъ Святой Степанъ — жинка Святого Степана, отецъ Кривой Иванъ — дочка Кривого Ивана, или короче: мужъ Пересунька, жена — Пересунькивна, мужъ Островершъ, жена — Островерчиха. Клички переходятъ также отъ отцовъ къ дѣтямъ, часто удерживаются послѣдними, если они самостоятельно не заявятъ себя тѣмъ либо, выходящимъ изъ уровня деревенскихъ будней, а иногда передаются и въ третье поколѣніе. Иногда прозвище переходитъ къ дѣтямъ безъ перемѣны, иногда подвергается при передачѣ фонетическому измѣненію, напр. отецъ Музыка — сынъ Музыченко. Значительно рѣже прозвище переходитъ къ дѣтямъ отъ матери: мать прозывается Коза, дочь — Козиная, мать Донда — дѣти и внуки Донда, мать Лозова — и дѣти Лозовы, мать урожденная Собченко и дѣти тоже Собченки, мать по первому мужу Бунныкъ передаетъ это прозваніе дѣтямъ отъ второго брака. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ опредѣленно, въ какихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто такая передача материнскаго прозвища дѣтямъ. Еще рѣже переходитъ прозвище отъ жены къ мужу во время замужества или приносится въ домъ въ качествѣ приданого. Мы имѣемъ слѣдующіе примѣры такой передачи: жена Ротачка (старая баба,

*) Свидѣтельствуемъ свою искреннюю благодарность Т. И. Осадчему, П. К. Тобиленчу и другимъ лицамъ, оказавшимъ намъ содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ.

большая крикунья) — мужъ Ротачъ, жена Коко (имѣетъ похожій на яйцо носъ) — мужъ Кокичъ, жена урожденная Брыкъ и мужъ Брыкъ. Очевидно, эти рѣдкіе случаи объясняются особенно выдающимися особенностями или самой жены, или ея родни. Изрѣдка прозвище отчима переходитъ къ пасынкамъ: отчимъ Усатый и пасынокъ тоже, отчимъ Горячкинъ и пасынокъ Горячкинъ, отчимъ Скрипченко — пасынокъ Скрипка. Намъ извѣстенъ затѣмъ одинъ случай перехода прозвища отъ дитяти къ родителямъ: ребенка прозвали Гупало за то что онъ все, попадавшееся на глаза, колотилъ палкой, покрикивая: гупъ! гупъ! и прозвище это укоренилось за всей семьей *). Наконецъ, иногда переходитъ прозвище совершенно чужаго человѣка, по совершенно случайнымъ причинамъ.

Прозвища дѣтямъ младшаго возраста нерѣдко даются матерями или происходятъ отъ ласкательныхъ названій, даваемыхъ дѣтямъ матерями. Такъ крестьянинъ Терещенко названъ матерью въ дѣтствѣ Машлабай за свой тихій нравъ; крест. Курганъ прозывается Ванюня — именемъ, съ которымъ обращалась къ нему въ дѣтствѣ мать; Голубчикъ — незаконнорожденный, нелюбимый всѣми въ семьѣ, кромѣ матери, которая называла его этимъ ласковымъ словомъ. Болѣе возрастнымъ дѣтямъ даютъ прозвища свереники, товарищи въ школѣ. Такъ, крест. Ткаченко прозывается Гава, за то, что когда учился въ школѣ военныхъ поселеній, всегда сидѣлъ въ классѣ съ открытымъ ртомъ.

Источникомъ происхожденія прозвищъ въ юношескомъ возрастѣ служатъ собранія молодежи на „вульцяхъ“ и „досвиткахъ“. Крестьянинъ Н. прозванъ Соловьемъ, потому что былъ запѣвалой на собраніяхъ молодежи; крест. Бондаренко прозванъ дивчатами Пирожокъ за свои толстыя щеки; крест. М. прозванъ Каганецъ по слѣдующему характерному случаю: разъ на досвиткахъ не оказалось каганца; онъ пошелъ доставать, стянулъ его у сосѣдей и, довольный успѣхомъ, возвратился къ свереникамъ, привѣтствуемый веселымъ восклицаніемъ: „прійшовъ каганецъ!“ крестьянинъ Д. прозванъ Морозомъ: будучи парубкомъ, однажды пришелъ на досвитки и напустилъ холода въ хату.

Въ возрастѣ возмужаломъ прозвища даются крестьянамъ при различныхъ случаяхъ, когда собирается большое общество. Въ такихъ собраніяхъ творческая мысль находитъ для себя необходимое возбужденіе и воспріимчивую почву. Такимъ образомъ можно указать прозвища, данные на сельскихъ сходахъ, на присѣдѣ у сельской расправы или волостнаго правленія, среди мирной и разсудительной бесѣды степенныхъ мужиковъ. Такими кажутся намъ прозвища: Дорогой: оказалъ какую-то услугу односельчанамъ; Апостолъ: очень набожный, часто посѣщаетъ церковь и любитъ побесѣдовать о святомъ, часто повторяетъ: „шесть дней роботы, а сѣмь — суббота“, — между тѣмъ сынъ его по праздникамъ возитъ свонь; Пше-

*) Прозвище „Гупало“ было присвоено одному лицу за то, что онъ на зовъ откликался возгласомъ: „гу“!

нышний: укралъ выданную обществу въ ссуду пшеницу; Поправка: укралъ что-то и, пойманный съ поличнымъ, объяснилъ, что сдѣлалъ это на поправку хозяйства. Есть прозвища, данныя, повидимому, въ шинкѣ — этомъ деревенскомъ клубѣ, таковы: Тропакъ: играя на скрипкѣ, притоптываетъ ногой и прикрикиваетъ: „трапацули“; Кусливый: въ пьяномъ видѣ кусается. Далѣе слѣдуютъ прозвища, данныя на базарѣ и на ярмаркѣ. Вегода: торгуясь на базарѣ, говоритъ: „мини такъ не вегодно“; Базаренко: дѣдъ торговалъ на базарѣ; Кумъ Гаврыло: на базарѣ зоветъ другихъ пьяницъ въ шинокъ словами: „ходимъ до кума Гаврыла“, Шутъ: дѣдъ его при продажѣ скота на ярмаркахъ обыкновенно шутилъ. Барекому двору, вѣроятно, обязаны своимъ происхожденіемъ клички: Кондитеръ: любитъ сидѣть около экономической пекарни, въ которой пекутъ хлѣбы и пасхи рабочимъ *); Гарало: его дѣдъ, крѣпостной лакей, любилъ пѣть кабардинскую пѣсню, которую самъ называлъ „гарало“; Псарникъ: былъ у помѣщика псаремъ. Даютъ прозвища и во время полевыхъ работъ, таковы: Шабашъ: когда-то разъ, во время пѣвщины, оканчивая работу вечеромъ, сказалъ: шабашъ; Пучки (цѣлая семья): во время косовицы вяжутъ крошечные снопики, пучки; Гайдамака: разъ при молотѣбѣ нагрубилъ атаману экономіи, побилъ его и сказалъ: „ты атаманъ, а я надъ атаманомъ гайдамака“. Конечно, весьма часто прозвища даются сосѣдями, даются и другими односельчанами, при обстоятельствахъ весьма разнообразныхъ и не поддающихся обобщенію.

Если, какъ мы сказали выше, крестьяне даютъ прозвища и лицамъ привилегированныхъ классовъ, находящимся въ какихъ либо постоянныхъ сношеніяхъ съ ними, то, въ свою очередь, и названные лица иногда даютъ прозвища имъ и, прійдясь по вкусу, эти прозвища укореняются въ народной средѣ. Такъ, крестьян. Л. прозванъ паномъ Кундиль (овчарка) за свою хитрость; крест. Г. прозванъ священникомъ Брехачка по слѣдующему анекдотическому случаю: священникъ ѣхалъ на потребу и встрѣтилъ извѣстнаго лгуна, крестьянина Г., попросилъ его сбрыхать, не думая; тотъ, сохраняя серьезный видъ, отвѣчалъ: „никилы, батюшка, брехать, треба за лисъ махать, бо за лисомъ чумаки стоять и за нихъ половы даютъ три воза соли“, и погналъ лошадь; священникъ и повѣрилъ, тотчасъ вернулся домой, велѣлъ изъ чего только можно, скорѣй нашить мѣшковъ и наполнить половой, нагрузилъ ими нѣсколько возовъ и отправился въ указанное мужикомъ мѣсто искать чумаковъ.

Популярность различнаго рода прозвищъ, какъ произведеній народнаго слова, пріуроченныхъ къ опредѣленному лицу, помимо внутреннихъ достоинствъ прозвищъ, зависитъ и отъ популярности

*) Въ предмѣстьи Одессы, на Молдаванкѣ, „кондитеромъ“ называютъ человѣка хитраго, ловкаго, способнаго на всѣ руки. Если такое лицо особо чѣмъ отличится, говорятъ: „ну да и тонкій-же кондитеръ“!

самаго лица, отъ его социальнаго положенія и значенія въ деревнѣ. Какойнибудь Грицко Нешпарованный, мирный труженикъ земли, извѣстенъ только своему кутку, а его сосѣдъ, Семень Налыгачъ извѣстенъ подъ этимъ именемъ всей волости: это — грамотѣй, горланъ и великій мастеръ на всѣ плутни, въ громадѣ и судахъ вездѣ первый.

Нѣкоторые изъ крестьянъ имѣютъ по два и по три прозвища, что указываетъ, что характеристика ихъ не вполне опредѣлена въ глазахъ односельчанъ. Большинство имѣетъ по одному прозвищу. Но не мало и такихъ, которые не имѣютъ особаго прозвища, а называются и въ глаза, и за глаза по имени: значитъ, въ своемъ сельскомъ муравейникѣ они успѣли настолько выдѣлиться положительными или отрицательными чертами своего ума и характера, своей наружностью или дѣятельностью, или матеріальнымъ положеніемъ, что имя дѣлаетъ излишнимъ для нихъ прозвище, такъ что при упоминаніи одного имени какогонибудь Савки, извѣстнаго сутяги, каждый хорошо знаетъ, о комъ идетъ рѣчь.

Пользуемся удобнымъ случаемъ сообщить въ извлеченіи изъ частнаго письма къ намъ одного мѣстнаго наблюдателя сельской жизни (Т. И. Осадчаго) характеристику взглядовъ простаго народа на значеніе имени, даваемого при крещеніи младенцу. Христіанское имя предопредѣляется и дается человѣку Богомъ, оно оказываетъ вліяніе на его дальнѣйшую судьбу; не рѣдкость, что родители просятъ священника не давать младенцу имени мученика, чтобы онъ не мучился въ жизни, а дать имя преподобнаго; если въ деревнѣ нѣсколько хорошихъ хозяевъ носятъ имя, положимъ, Григорія, то просятъ назвать младенца этимъ именемъ. Въ послѣднее время, когда при назначеніи именъ духовенство начало чаще сообразоваться съ желаніемъ родителей, такое отношеніе нѣсколько поколебалось, но держится всетаки и доселѣ, принимая оригинальныя формы. Оно приводитъ на память общераспространенное у варварскихъ народовъ воззрѣніе на вѣщую силу слова, и вытекающее изъ нея значеніе заговоровъ; вѣроятно потому, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ пережиткомъ понятій весьма почтенной древности. Любопытно, однако, что, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, прозвища, въ отличіе отъ именъ, лишены всякаго суевѣрнаго значенія.

Въ возможности для крестьянъ довольствоваться одними именами высказывается уже, собственно, упадокъ значенія прозвищъ, равно и въ широкой распространенности прозвищъ производныхъ отъ личныхъ именъ: тутъ уже нѣтъ слѣдовъ творчества, вмѣсто живописи слова здѣсь является только символъ. Наравнѣ съ прозвищами другихъ категорій, они представляютъ интересъ только для изученія областныхъ нарѣчій. Для примѣра приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ: Ваньченко, Гордійча, Денисюкъ, Лодивъ (отца звали Логинъ), Луць (дѣда звали Лука), Олимпченко (первоначально Олимпка, Олимпченко отъ имени Олимпій), Савичъ (дѣдъ — Савва, отецъ Савича), Савкивъ, Тимохтійка; отъ женскихъ

именъ имѣемъ производныя: Катричъ (и мать, и бабка были Катри) и Варченко (Варка, Варвара).

Въ прежнее, недавнее еще время священники часто давали младенцамъ мудренныя имена (иногда даютъ и теперь), большею частию въ наказаніе родителямъ и въ особенности—дѣтямъ незаконнорожденнымъ. Обыкновенно такія имена переименовываются крестьянами, соотвѣтственно ихъ пониманію, иногда чрезвычайно своеобразно, и потомъ замѣняютъ собою прозвища. Таковы напр. Вовкогонъ (Автономъ), Сувениръ (Авеніръ) и др.

Такимъ же образомъ, въ качествѣ матеріала для прозвищъ, пользуются и фамиліями или извѣстными и потерявшими живой смыслъ прозвищами. Такъ прозвище Недобитый происходитъ отъ дѣдовскаго Недобой, прозвище Плутъ отъ фамиліи Плуталовъ, Угластый отъ Углась.

Материалъ для прозвищъ даютъ особенныя занятія человѣка или особенныя способности его въ какомъ-нибудь занятіи. Таковы, напр. прозвища: Островершъ: его дѣдъ особенно высоко и остро вершилъ стоги сѣна; Мендель: отецъ дѣлалъ мендели—кули, которыми кроютъ крыши; Пожаренко: былъ особенно дѣятеленъ при тушеніи пожаровъ; Межай: ходилъ съ саженью и межевалъ крестьянскіе надѣлы; Паяцъ: прадѣдъ и дѣдъ представляли комедію на ярмаркахъ; Фурманъ: дѣдъ былъ извозчикомъ въ Полтавской губ., по тамошнему—*фурманомъ*; Козодой: находясь въ услуженіи у жидовъ, занимался доеніемъ козъ; Стрѣлецъ: отецъ былъ хорошимъ охотникомъ; менѣе интересны: Трубачъ, Кантоніетъ, Карасиренко, Уланчикъ; наконецъ, идетъ цѣлый рядъ общераспространенныхъ: Шевченко, Кравченко, Гончаренко и т. д. Иногда прозвище даетъ понятіе о ремеслѣ человѣка посредствомъ образа: Зайченко: ловилъ зайцевъ капканами и потомъ приручалъ; Киргизъ: охотился на степныхъ киргизовъ; Прилипка: по ремеслу фельдшеръ, чаще всего даетъ націентамъ пластыри; Круглякъ: дѣдъ его сторожилъ Круглый лѣсъ.

Особый видъ этого класса прозвищъ представляютъ прозвища, указывающія на происхожденіе крестьянъ, отличающихся привилегированнымъ положеніемъ въ селѣ или даже отъ лицъ привилегированныхъ классовъ, каковы Майорчукъ, Діаконенко, Дворянчиха, Писарчукъ, Титаренко, Лавочниковъ. Великоороссійское окончаніе послѣдняго прозвища свидѣтельствуетъ о стремленіи торговаго класса выдѣлиться изъ крестьянской малорусской среды.

Богатство крестьянина обозначается прозвищемъ Богатырь, но производныхъ отъ него малорусскихъ прозвищъ мы не знаемъ, зато великорусская фамилія Богатыревъ встрѣчается и въ городахъ южной Россіи. Вѣроятно, такіе „богатыри“ находятъ въ городахъ болѣе простора для своихъ богатырскихъ силъ и уходятъ изъ роднаго села. Наоборотъ, прозвище Бѣдный влечетъ за собою производное Бѣденко. За бѣдность также дано одному крестьянину оригинальное прозвище Голый Панъ. Когда-то этотъ мужикъ по случаю купилъ себѣ сукна, сшилъ сюртукъ и щеголялъ въ

немъ по праздникамъ, за что и прозванъ былъ паномъ; но сюртукъ износился, счастливый обладатель его обѣднѣлъ и замѣнилъ его обыкновеннымъ кожухомъ; съ этого времени его уже начали называть Голый Панъ... Въ одномъ прозвищѣ скрыта цѣлая драма, достойная автора „Шинели“!

Далѣе слѣдуютъ немногочисленныя прозвища, свидѣтельствующія о чуждомъ, въ этнографическомъ отношеніи, происхожденіи человѣка: Литвинъ, Ляхъ, Ляшокъ, Полякъ, Цыганъ, Пакуль (дѣдъ его, бѣлорусъ, говорилъ *пакуль* въ смыслѣ *пока*),—и на то, что данное лицо не туземецъ села, а пришлецъ: Злыньскій (изъ Злыньки Елисавет. у.), Тавричанъ, Калуга, Забрица (по сообщенію нашего бейкушскаго корреспондента, отъ слова *Забрести*), Завоеванный. Послѣдній прозванъ такъ по слѣдующему особенному случаю: онъ приходилъ на заработки въ село (Лозоватку) и однажды парубки за что-то его сильно поколотили; впоследствии онъ женился въ этомъ селѣ и остался тамъ навсегда.

Особый классъ прозвищъ представляютъ тѣ изъ нихъ, которыя указываютъ на мѣсто жительства крестьянъ въ селѣ. Таковы Береговой, Дерезюкъ (живетъ въ дерезѣ). Особенно оригинальна кличка Крайвановъ: его хата стоитъ „край Ивана“, рядомъ съ хатой хорошо извѣстнаго села Ивана.

Гораздо болѣе интересный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый многочисленный классъ прозвищъ составляютъ тѣ, которыя даютъ характеристику человѣка по отношенію къ наружности и физическимъ его особенностямъ и свойствамъ. Это—самая доступная для наблюденія, невольно бросающаяся въ глаза, сторона человѣка. Иногда бываетъ достаточно одного только мѣткого образнаго слова, чтобы нарисовать законченный портретъ извѣстнаго лица, и, подобно тому, какъ художникъ-живописецъ, передавая на полотнѣ черты физическаго облика человѣка, умѣетъ выразить и духовную его природу, иногда, что называется, вывести его на чистую воду, такъ и народъ, художникъ слова, пользуется особенностями физической организаціи человѣка, для того, чтобы запечатлѣть всего его цѣликомъ. Передъ нами рядъ деревенскихъ типовъ. Бузивокъ—откормленный, какъ молочный теленокъ, игривый, но и глупый, какъ теленокъ, парубокъ; Полозь—длинный и тонкій, какъ змѣя, злой и страшный человѣкъ; Вовкъ—хищный и жадный и по виду, и по характеру, съ громкимъ голосомъ, какъ у волка; Козель—настоящій козель, и по козлиной бородѣ, и по упрямому до комизма праву; Цыпка—маленькій и суетливый мужиченко, столь-же безобидный, какъ цыпленокъ; Сарана—ходитъ въ припрыжку, прожорливый, какъ саранча; Горобецъ—надсмотрщикъ экономіи, маленький и юркій, подматриваетъ за рабочими изподтишка, все равно какъ воробей изъ подъ стрѣхи.

Но не всякій поддается столь художественно-цѣльной характеристикѣ. У иного трудно подъ наружной оболочкой разсмотрѣть духовное его содержаніе, и большинство прозвищъ разсматриваемаго класса не касаются духовной стороны. Иногда такіа про-

звища концентрируютъ нѣсколько физическихъ признаковъ чело-
вѣка. Таковы: Жила—высокій, худой, но жиливатый; Венгирь—
сухощавый, кривой и глухой; Буруля—маленькаго роста, толстый,
подъ старость у него на рукахъ образовались шишки; Гергель—
имѣетъ длинную шею и наростъ на лбу. Но чаще прозвище ука-
зываетъ на одну только какую либо черту. Такъ, для людей су-
хого тѣлосложенія имѣются клички: Петелька, Вырвикишка, Ку-
жилъ, Колось, для толстыхъ Агонъ (вагонъ) и Ступка, для высокихъ
Великій (есть одинъ Петръ Великій въ с. Алексѣевкѣ Елисавет. у.),
производныя—Величенко и Дуба, для низкихъ Шкаликъ, Пупька,
Попка, Кобыкъ, Гудзь, Деркачъ и др. Голова и лицо чело-
вѣка даютъ наиболѣе матеріала для его характеристики. Такимъ обра-
зомъ имѣются прозвища Головатый, Киргизъ (за широкое лицо),
Кремень (за большое и, какъ камень, неподвижное лицо), Косой
заяць (за судорогу мускуловъ лица), *) Вытрищакъ (вытаращенные
отъ перепуга глаза), Бундюкъ (надуваетъ губы), Шулика (за
ястребинный носъ); есть прозвища по цвѣту волосъ: Гейсь (чер-
ный), Рыжко, Сметана, (сѣдые, какъ сметана, усы) и др.; рѣдкость
волосъ и полная плѣшивость обозначаются кличками Кудланъ,
Лысякъ, Лысенко, Бабка (не имѣетъ ни усовъ, ни бороды). Рѣже
отмѣчаются особенности другихъ частей тѣла: Гусакъ (за длинную
шею), Кесъ (въ дѣтствѣ имѣлъ большой, какъ кисетъ животъ); Гуз-
няйка, Шестопаль, Краснощокій (на щекѣ природное красное пятно).

Въ нѣкоторыхъ прозвищахъ находимъ указанія на физиче-
скіе недуги и послѣдствія ихъ. Обезображенные оспой прозываются
Рябко (производное — Рябенко), Перушня, Неппарованный;
дальше встрѣчаемъ прозвище Морозъ (отмороженное лицо), Кукса
(отмороженные ноги), Безпятаый (отмороженные пятки), Гулей (от-
мороженные пальцы на ногахъ), Кулакъ (пальцы на рукѣ отрѣзаны
соломорѣзкой), Безпалько (пальцы откушены лошадыю); хромые
носятъ прозванія Деревянка, Кривой, Хормогей, Дулутій, криво-
рукіе—Люшня; затѣмъ есть прозвища Кривовязый (кривыя плечи),
Репанъ (сильно потресканныя ноги), Хекало (отецъ страдалъ
одышкой), Черноболѣзненный (отецъ страдалъ черной, вѣроятно,
падучей болѣзью); клички Заика, Нимый, Глухій, Горбатый не
требуютъ объясненій.

Есть прозвища для людей неопрятныхъ, таковы Гавура (отъ
неопрятности у него всегда заѣды), Гнида, Вошопруда и др.

По особенностямъ въ костюмѣ имѣетъ прозвища: Долгопола
Хвеська (носилъ длинную свиту), Кожуховскій (и лѣтомъ, и зимой
носитъ одинъ и тотъ-же ко-
жухъ), Пузырь (носитъ табакъ въ во-
ловьемъ пузырь).

Отмѣчаются въ прозвищахъ также особенности походки: Не-
двига, Швыдкій, Дробунчикъ, особенныя физическія способности:

*) Прозвище Косой заяць даютъ чело-
вѣку съ бѣлымъ въ глазу, съ
раскосыми глазами, слѣпому на одинъ глазъ и вообще за недостатокъ въ
одномъ глазѣ.

Кить (хорошо лазить по деревьямъ), особенности рѣчи: Скорого-
ворка, Кулишъ (во время разговора слюна течетъ изо рта), Сала-
бай (слонить и шепелявить), Гундось (говорить въ носъ), Чмы-
хало (издаетъ носомъ звуки, похожіе на чиханіе).

Сюда примыкаютъ нерѣдко встрѣчающіяся клички, поводомъ
для которыхъ послужило какое-нибудь одно, оригинально произ-
носимое, или неправильно употребленное, или чуждое слово, какъ-
то Андуха (Андрюха), Года (гайда), Собка (погонялъ лошадей
словомъ *собъ*), Балалай (возвращаясь домой послѣ свѣтлой заутре-
ни, подражалъ звону колоколовъ, напѣвая: ба-ла-лай!), Кимегеръ
(въ должности сотскаго звалъ мужиковъ въ расправу по еврейски:
киме черъ), Дискать, Тѣлица. Получившій послѣднее прозвище
жилъ долго въ городѣ и разучился говорить по деревенски; по-
ступивъ въ пастухи, онъ однажды прибѣжалъ въ деревню съ из-
вѣстіемъ, что одна телка отелилась, крича: тѣлица! тѣлица! По-
слѣдніе два прозвища отражаютъ въ себѣ вліяніе города на де-
ревню. Чрезвычайно оригинальное въ фонетическомъ отношеніи
прозвище Соколоколофитъ; дано оно одному крестьянину за то,
что онъ употребляетъ такое восклицаніе, увидавъ куръ возлѣ стога.

Отдѣльныя слова, произносимыя хотя и правильно, но безъ
надобности, часто становятся иногда также прозвищами; таковы
прозвища: Миленкій, Любенкій, Гей, Разуба и Гупало.

Бываетъ, однако, достаточно сказать чело-
вѣку какое-нибудь одно слово всего разъ, но при особенно характерныхъ обстоятель-
ствахъ, — и оно становится для него кличкой. Одинъ крестьянинъ
получилъ прозвище Галухъ (галушка), объясняемое слѣдующимъ
образомъ: однажды, слѣдя за движеніями жены, которая готовила
галушки, онъ сказалъ: „и що теперь за народъ образованный
ставъ! Якъ бывало тоди зрѣблять галухи, то завбільшки за дитячу
голову, такъ що треба ихъ йисти навромивши прямо на вила,
а теперь манесеньки таки, що треба на шпичку наткати!“ Дру-
гого крестьянина зовуть Куку: однажды, желая задобрить раз-
сердившуюся на что-то жену, онъ влѣзъ въ скриню и закричалъ *куку!*
Одна баба прозвана Абыячка, за то, что оставшись въ молодыхъ
лѣтахъ вдовою съ маленькимъ ребенкомъ, Бога просила, чтобъ
послалъ ей мужа „аби якого“.

Эти послѣднія клички приводятъ насъ къ особому классу
прозвищъ, характеризующихъ собственно духовную природу чело-
вѣка. Укажемъ сначала близкія съ предыдущими по смыслу.
Прозвище Почкай (почекай) дано большому болтуну, который пре-
рывалъ собесѣдниковъ этимъ словомъ; — Балясный, Шелестунъ — за
болтливость; Ландарко — за умѣнье „грать на языкѣ“; Зозуля (ис-
кусно подражалъ пѣнію зозули), Мензыка (показывая жеребятъ,
ржалъ по лошадиному). За шутливость вообще прозываютъ Шутыця
и Шуть. Послѣднѣе характеризуютъ такъ: шутя спрашиваетъ,
шутя отвѣчаетъ, шутками отдѣливается отъ серьезныхъ неприя-
тностей. За чудачество прозываютъ Комедія. Лживость отмѣчена
прозвищами Брехунъ и Стобреха, любовь къ спорамъ — кличкой

Жила, колкость въ отвѣтахъ—Будякъ; злого прилипалу дразнить Гедзь; надоѣдливого и скучнаго челоѣка—Перепелъ, чванливаго—Индюкъ, глупаго—Баранчукъ и Коробка, злого—Гадюка, вспыльчиваго—Палій, жестокаго—Живодеръ (ободралъ большую свинью, не давъ ей времени издохнуть), лѣнивыхъ—Байбакъ, Несмыкъ и насмѣшливо—Дружный.

Общераспространенная слабость—пьянство отмѣчено въ нашемъ собраніи прозвищемъ Пьяный и производнымъ Пьяныченко. Братъ этого пьянаго, въ отличіе отъ него, прозывался Тверезый, каковое прозвище наслѣдовано и его поколѣніемъ. Прозвище Гедзь присвоено одному пьяницѣ, очень драчливому во хмѣлю (дѣти его прозываются Гедзенята); тѣмъ-же самымъ прозвищемъ называютъ другаго пьяницу, который имѣетъ ту особенность, что часто, не устоявъ противъ искушенія и не окончивъ работы, стремглавъ, подобно скотинѣ, на которую напалъ гедзь, летѣлъ въ шинокъ. Кличкой Кваша окрестили одного мужика по случаю того, что подъ него подтекла кваша, когда онъ пьяный спалъ на печи. Прозвище Печеный дано крестьянину, который, уснувъ пьяный на печи, припекъ себѣ бокъ. Прозвище Мутузка объясняютъ такъ: одинъ субъектъ напился на базарѣ до безчувственного состоянія; его подобралъ на дорогѣ проѣзжавшій крестьянинъ и взвалилъ къ себѣ на возъ съ сѣномъ; встрѣчается другой крестьянинъ и шутя начинаетъ у него торговать сѣномъ, на что тотъ, шутя тоже, изъявилъ согласіе продать сѣно „и съ мутузкою“, разумѣя подъ мутузкою пьянаго.

Религіозно-нравственныя понятія находятъ себѣ также отраженіе въ прозвищахъ. Оригинальная кличка Отчешникъ присвоена ханжѣ, который въ церкви вслухъ читалъ молитву Господню; прозвище Ковбаса—крестьянину, сѣвшему въ великій постъ колбасу. Но въ прозвищахъ находятъ себѣ мѣсто и положительныя качества. Благочестивый крестьянинъ прозванъ Святымъ, баба, ходившая въ Почаевскую лавру—называется Почаевека Варка, деревенскій филантропъ—Нужный.

Изъ преступленій большое количество прозвищъ касаются воровства, причемъ нерѣдко указываютъ на его своеобразныя виды и оригинальную обстановку. Предметы воровства видны въ прозвищахъ: Коневъ, Кабаченко (кабаки), Масляна, Налыгачъ, Сокирка, Тупица, Чемоданчикъ, Стрижи-лошади. Прозвище Шмалій дано мальчику, который воровалъ у своей матери куръ и „шмалилъ“ ихъ въ степи; Сибирякъ—крестьянину, который былъ сосланъ въ Сибирь за кражу; прозвище Лакей носитъ одинъ крестьянинъ, дядя котораго, по должности лакея, укралъ у своего умиравшаго помѣщика шкатулку съ деньгами; прозвище Ловутка дано крестьянину, обокравшему нѣкоего Ловутку; Бурбора—вору, который, будучи пойманъ съ поличнымъ, самъ назвалъ себя этимъ подложнымъ именемъ; Печеный—мужику, укравшему пару воловъ, поймавъ котораго, хозяева пекли растопленнымъ саломъ. Нѣкоторыя изъ такихъ прозвищъ очень остроумны, напримѣръ:

Волкъ: укралъ масло и, спрятавшись въ камышѣ, тотчасъ принялся ѣсть, причемъ случайно проходившій тутъ охотникъ подстрѣлилъ его; Заволочиха: баба воровка стащила у сосѣда длинную доску, а такъ какъ послѣдняя не помѣщалась въ хатѣ, то просунула ее въ окно, всунула однимъ концомъ въ печь и печь затопила, на чемъ ее и засталъ сосѣдъ; на вопросъ его: зачѣмъ затопила, на чемъ ее и засталъ сосѣдъ; на вопросъ его: зачѣмъ украла доску, она отвѣчала, что шла мимо, а доска „заволочилась“. Этотъ эпизодъ невольно напомнилъ намъ рассказъ Ив. Левицкаго (Нечуя) „Невинна“*), гдѣ баба воровка прибѣгаетъ къ такой-же наивной лжи для оправданія себя отъ подозрѣній въ кражѣ поросятка: „Ото въ чистый четверъ ишла я прозь Кушниренкивъ двирь. Коли дывлюсь, коло ворить бигаютъ поросятка, та таки чыстенки, рябенки, да сытенки, якъ перемыты. Я впіймала одно поросятко, та хотила погратысь, та погладыты по спынці. Граюся я зъ тымъ поросямъ, та й думаю гришна: ото якъ-бы мыни таке поросятко на посвяченія! А воно якъ закувыкае!“ и пр. Такая аналогія говорить въ пользу художественной правды названнаго литературнаго рассказа.

Противозаконныя отношенія половъ нашли себѣ выраженіе въ прозвищѣ Невинчанный, данномъ, какъ говорятъ, за двоеженство, и въ кличкѣ Беззаконна. Прозвищемъ Третьякъ отмѣченъ челоѣкъ, женившійся въ третій разъ, что, по своей рѣдкости, представляетъ исключительное явленіе. По малочисленности означенныхъ прозвищъ можно думать, что такія отношенія, если и имѣются мѣсто въ крестьянской средѣ, то чаще всего остаются въ тайнѣ. Но за то разъ явился плодъ такихъ отношеній въ видѣ незаконнорожденнаго ребенка, онъ неизбѣжно клеймится печатью отверженія въ видѣ кличекъ Крапивникъ (подкидышъ, найденный въ крапивѣ), Коробейникъ (незаконный сынъ коробейника) и пр.

Нерѣдко прозвище указываетъ на какое-либо пристрастіе, маленькую слабость челоѣка. Таковы прозвища Сыровецъ и Кваша (за пристрастіе къ этимъ кушаньямъ). Карета (въ дѣтствѣ любилъ играть въ карты съ дворовыми, залѣзши подъ карету въ барской конюшнѣ), Голубчонокъ (за любовь къ голубямъ), Телюка (въ дѣтствѣ любилъ болтаться въ водѣ), Шурпало—крестьянинъ—Плюшкинъ, всякую мелочь подбираетъ и складываетъ въ кучу; прозвище Жучка дано крестьянину, у котораго была любимая, неразлучная съ нимъ собачка Жучка; когда она умерла, онъ загрустил и запылъ. Какъ это напоминаетъ тургеневскаго глухонѣмого дворника въ рассказѣ „Муму“!

Пользуются также для кличекъ особенностями въ образѣ жизни. Прозвище Нася дано мальчику, старшему въ семьѣ, который вынянчилъ всѣхъ своихъ братьевъ и сестеръ; популярнымъ въ народѣ именемъ историческаго разбойника Мамаѣ прозванъ одинъ крестьянинъ, жившій отдѣльно отъ другихъ въ глубокой балкѣ.

*) Степъ, Херсонск. белетр. сборникъ Спб. 1886.

Немногія изъ прозвищъ сохраняютъ память о времени крѣпостной зависимости. Таковы: Обойдыхата: дѣдъ его, въ должности атамана экономіи, обходилъ хаты для „загадыванія работы на день“; Качуръ: умѣлъ прятаться отъ наказаній помѣщика въ воду.

Для полученія прозвища достаточно бываетъ и одного какого-либо случая въ жизни человѣка, разъ такой случай показался односельчанамъ почему-либо замѣчательнымъ. Таково прозвище Осадчій для основателя новаго поселенія, таковы клички: Недоризанный: на дѣда его напали разбойники и начали рѣзать, но, перепугавшись приближавшихся людей, бросили и разбѣжались; Печенный: его пекли воры свѣчой и ставили на раскаленную сковороду, допытываясь, гдѣ деньги, пока не явились его сыновья; Петелька: дано бабѣ, которая повѣсилась и которую сняли съ петли; Мухинъ: однажды жена, въ наказаніе за что-то, лѣтомъ сняла съ него рубаху и вымазала его квашей съ сахаромъ, вслѣдствіе чего его облѣпили мухи; Кринишый: когда-то полѣзъ въ колодезь за ведромъ, въ это время колодезь обрушился и завалилъ его, но сбѣжавшіеся люди спасли; Запаренко: его дѣдъ запарилъ до смерти кабана горячимъ кормомъ; Нарецъ: разъ подрался съ крестьяниномъ Чайкой, послѣдній повалилъ его, сѣлъ на него верхомъ и, поколотивъ, сказалъ: „Ахъ ты нарець!“ Особенной наивностью и добродушнымъ юморомъ отличаются слѣдующія двѣ клички: Чикъ: разъ онъ съ работникомъ гналъ скотъ на пашу и, увидѣвъ на дорогѣ птичку, погнался за ней; птичка крикнула: „чикъ!“ и улетѣла; Бовтунъ: однажды онъ пригналъ лошадей на водопой и, вмѣсто одного раза, пускалъ ведро въ воду по нѣскольку разъ; проходившій въ это время мимо другой крестьянинъ крикнулъ: „оце ще бовтунъ!“ Прозвище Пригода, данное одной бабѣ, имѣетъ анекдотическое объясненіе: эту бабю засталъ кто-то за пряжей и въ поощреніе ей сказалъ: „пряди, пряди, на пригуду буде!“ вообразивъ, что слово пригода—что-то прозвище, она прядетъ, ожидая появленія фантастическаго Пригоды; и вотъ какой-то солдатъ, узнавъ объ этомъ, явился къ бабѣ, въ отсутствіи ея сына, назвалъ себя Пригодой и воспользовался всей пряжей, которой къ этому времени набралось на цѣлый возъ. Производя впечатлѣніе сочиненности, рассказъ этотъ возбуждаетъ подозрѣніе въ томъ отношеніи, что онъ могъ быть сочиненъ для объясненія стараго прозвища, смыслъ котораго былъ забытъ, что легко можно допустить, принявъ во вниманіе передѣлки, которымъ, какъ мы видѣли, подвергаются старыя прозвища.

Обращаемся къ внѣшней сторонѣ прозвищъ. Прозвище ставится обыкновенно послѣ имени, но въ нѣкоторыхъ селахъ и обратно. Въ одной мѣстной фамиліи—Черноиванъ мы наблюдаемъ оригинальное сліяніе имени съ прозвищемъ (Черный Иванъ), при чемъ носившее эту фамилію лицо, въ свою очередь, именовалось Иваномъ.

Мы говорили выше, что, по нашему мнѣнію, юморъ не составляетъ исключительной цѣли для сочиненія прозвищъ. Но въ послѣдовательности изложенія мы не могли не отмѣтить юмористи-

ческихъ прозвищъ, встрѣчающихся въ значительномъ числѣ. Въ данномъ случаѣ юморъ является не цѣлью и не мотивомъ, а лишь служебнымъ средствомъ для сочиненія прозвищъ. Юморъ, способность весьма сложная и потому индивидуальная, признается характеристической чертой ума и характера малоросса, и вотъ эта характерная его особенность находитъ себѣ полный просторъ въ этой отрасли народнаго творчества, благодаря особенно тому, что она сохраняетъ еще въ себѣ особенности творчества личнаго. По этой же причинѣ замѣтны бываютъ въ прозвищахъ и нѣкоторыя другія настроенія и страсти, напр. озлобленіе (въ прозвищѣ Гадюка), негодованіе (въ прозвищѣ Живодеръ), уваженіе (Святой, Нужный) и др.

Что касается грамматической формы прозвищъ вообще, то считаемъ невозможнымъ подчинить ихъ всѣ въ этомъ отношеніи общимъ правиламъ; по чрезвычайной ея причудливости они съ трудомъ поддаются обобщеніямъ. Здѣсь сказывается особенность этого зачаточнаго вида народнаго словесности: оригинальная мысль, вызванная отдѣльнымъ случаемъ или явленіемъ, не находитъ для себя разъ на всегда установленной формы, не можетъ подчиниться опредѣленному методу и ищетъ для себя оригинальной же формы, соотвѣтственной случаю; вращаясь въ предѣлахъ кутка, или села, много—волости, въ теченіе времени, которое обыкновенно не превышаетъ продолжительности жизни трехъ поколѣній, прозвище не имѣетъ возможности получить законченной шлифовки. Замѣчательно, что чѣмъ менѣе оригинально и живописно прозвище, тѣмъ оно податливѣе для классификаціи по отношенію къ формѣ. Такимъ образомъ, для прозвищъ, происшедшихъ отъ личныхъ именъ, отъ названій промысловъ и занятій и наименѣе образныхъ изъ тѣхъ, которыя обозначаютъ физическія и духовныя свойства людей, нетрудно указать одну общую систему окончаній: ко, икъ, укѣ, юкъ, ичѣ, ча для мужчинъ, она, иха, ка, ая для женщинъ.

Личныя и фамильныя клички часто оставляютъ по себѣ слѣдъ въ названіяхъ урочищъ, къ которымъ данное лицо имѣло какое либо отношеніе, и, при ихъ посредствѣ, переходятъ въ отдаленное потомство. Посредствомъ разспросовъ самихъ крестьянъ легко убѣдиться, что разныя урочища получаютъ такіа названія и въ настоящее время. Обыкновенно это—урочища небольшія: гребля, балка, улица, кутокъ поселенія, хуторъ, курганъ. Таковы напр. названія: Песчанская гребля (построилъ крестьянинъ Песчанскій), балка Босого Гребля (вблизи живетъ крестьянинъ Босый), Рудева балка (крест. Рудъ построилъ на ней греблю), улица Кривого Ивана (на ней живетъ хромой Иванъ), Богатырскій кутокъ (тамъ жилъ мѣщанинъ Скалозубъ, по прозвищу Богатырь), хутора Рыбалкинъ и Шевченкинъ (ихъ арендовали крестьяне Рыбалка и Шевченко), Сыдькова могила (крест. Сыдько пасъ здѣсь свиней), Галушковская могила (по дорогѣ изъ м. Ровнаго на хуторъ крест. Галушки).

Но народное преданіе подобнымъ образомъ объясняетъ и названія старинныя, давность которыхъ, впрочемъ, для нашихъ мѣстъ не заходить далѣе прошлаго столѣтія. Главные виновники такихъ названій большею частію—запорожцы, гайдамаки и чумаки. Таковы названія многихъ балокъ, въ которыхъ, по преданію, жили запорожцы и гайдамаки, напр. Березнякова, Вербова, Коротякъ (Коротный) и ея боковая Коротенкова (сынъ его Коротенко), Москаленкова, Романкова, Тонконогова, Бѣдняжка (Бѣднякъ), Кодряковъ Ярѣ (Кондратъ), Мамаева балка; таково названіе скалы: Паліева скеля, происшедшее отъ имени жившаго здѣсь запорожца Палія; таковы названія кургановъ, въ которыхъ по преданію жили или погребены запорожцы, гайдамаки или чумаки: Лягова могила, Супрунова могила, могилы Ивасюка и Желѣзняка (въ послѣдней жилъ отецъ извѣстнаго предводителя гайдамаковъ Максима Желѣзняка). Многія названія кутковъ поселенія и цѣлыхъ поселеній хранятъ имена своихъ осадчихъ. Таковы Клочкивка—кутокъ с. Петроострова, село Куцовка, Лелековка, Макариха, Мамайка, Марквина, Песчанское, Сидоровка (Сидоръ Бѣлый), Сѣдневка (запорожецъ Сидень) и мн. др.

Перечисленныя названія представляютъ собою образцы непосредственнаго перехода личнаго прозвища въ топографическое названіе. Но есть еще другое, болѣе сложное отношеніе между тѣми и другими. Мы видѣли выше, что прозвище присваивается нерѣдко всѣмъ членамъ семьи, часто безъ всякой перемѣны. Но такое распространеніе прозвища не ограничивается предѣлами одной семьи; бываетъ, что оно усваивается цѣлой группѣ семей, связанныхъ какимъ нибудь однимъ признакомъ: единствомъ занятій, мѣста жительства и мѣста происхожденія. Таковы прозвища: Котолупы и Пидситники для выходцевъ изъ Полтавской губерніи, которые скупали и обдирали котовъ и дѣлали сита, Пойдуны—для выходцевъ изъ Курской губ., обратившихъ на себя вниманіе тѣмъ, что говорятъ „пойду“ вмѣсто „пиду“; — нравственными особенностями: Пробиголовы—въ селѣ сынъ нанесъ ожесточенные побои отцу, Невинчанцы—за бывший въ селѣ случай кровосмѣшенія *); — религіозными вѣрованіями: Часовенные (старообрядцы); прозвище Штунды дано жителямъ одного села за религіозный индефферентизмъ. Наконецъ, существуютъ прозвища для національныхъ группъ: Руська невира и Кацапы для великорусовъ, Мазница, Хохлы и Польщаки—для припавшихъ малороссовъ; послѣдніе называются еще кое гдѣ Пойдунами (*пойды*—длинные свиты) и Пазушанами (женщины носятъ большія пазухи), Будами (выходцы изъ Каменецъ-Подольской губ.—буць каменецкій); для молдаванъ существуютъ клички Постолатіи (носятъ постолы), Бараны (вспомнимъ личное прозвище Баранъ), ихъ называютъ также Греками и Цыганами.

*) Кстати будетъ припомнить, что вся Херсонская губернія, въ значительной степени населенная бѣглыми, прозывается „невѣнчанной“ губерніей.

На такой основѣ построены названія нѣкоторыхъ улицъ, кутковъ и цѣлыхъ поселеній: Руській и Польщакый кутокъ, Хохлатчина, Почикаевка, (вспомнимъ личную кличку Почкай), Шляхетчина, Шкарбани (с. Шербани, такъ произносятъ это названіе живущіе тамъ молдаване), Нимпи (прежде здѣсь былъ нѣмецкій поселокъ), Голопузівка. Происхожденіе послѣдняго прозвища кутка слѣдующее: одинъ мужикъ въ дракѣ оборвалъ на женѣ одежду и сказалъ съ сердцемъ: „отъ ище, голопузівка!“

Нѣкоторыя прозвища, полюбившіяся народу своей мѣткостью, становятся поговорками и пословицами, или же служатъ для нихъ матеріаломъ. Такое происхожденіе можно подмѣтить, напр., въ слѣдующихъ поговоркахъ и пословицахъ: Артемъ ты неблагословенный, Петро-цыганское шатро, Гарпина кривоспина, Параска торбо-тряска, Волохи-блехи, Богатый, якъ собака кудлатый и пр.

Въ нѣкоторомъ родствѣ съ прозвищами стоятъ дѣтскія коротенькія пѣсенки, которыми они дразнятъ другъ друга, напр.: Одея реда зъивъ медвѣдя; Одея реда магази повылазили глаза; Иванъ балабанъ покотывся въ бурьянъ, найшовъ булку, убивъ курку, волочивъ, волочивъ, поки въ борщъ не вмочивъ; Иванъ балабанъ на капустѣ сидивъ, уси черви поивъ и дирочку проточивъ и чирвей напустивъ.

У взрослыхъ подобныя пѣсенныя перебранки существуютъ для жителей кутковъ селеній, цѣлыхъ селъ и городскихъ предмѣстій; такъ напримѣръ: Марьяновцы дука пойили гадюки, мы кажемъ: дайте и намъ, вони кажутъ: мало й намъ; Тарговицки лынцы спеклы чорта въ ранци, а мы кажемъ: дайте псамъ, вони кажутъ: мало й намъ; Салившане (Саливка-кутокъ м. Гло-доссы) дукачи спеклы чорта на пичи, держать на ципочку, й идять по кусочку. Жителей предмѣстій Елисаветграда дразнятъ такъ: на Балкѣ люди галки, на Быковой люди безтолковы, на Ковалевкѣ люди вовки, на Перескихъ люди мерзки.

В. Ястребовъ.

325410. 1948

1318

НБ ОНУ імені І.І.Мечникова

НБ ОНУ імені І.І.Мечникова

НБ ОНУ імені І.І.Мечникова